

Алексей Левинсон

К изучению феномена «закрытости»

XVII Банные чтения, проведенные журналом «Новое литературное обозрение»,
Москва, 2–4 апреля 2009 г.¹

«Новое литературное обозрение» тем сохраняет свое право зваться новым, что постоянно обновляет понятие об обозреваемом предмете. Не заводя специальных дискуссий о том, что считать в каждый данный момент литературой, журнал поступает иначе. Избираемые для рассмотрения сущности посредством самого рассмотрения и становятся «литературой», т. е., попадают на место того социального регулятора/культурного института, которым литература являлась и является.

Похоже, что только так можно поспеть за трансформациями в сферах знаковой деятельности, будь то словесность, визуальные или аудиальные специализированные практики.

Одним из способов втягивания предметов жизни в предмет журнального обозрения и обсуждения являются проводимые журналом акции, у которых есть веселое имя «Банные чтения». Как объясняют знающие люди, название пошло со времен, когда редакция НЛО находилась в Банном переулке в Москве. С тех пор состоялось ни мало ни много семнадцать таковых чтений (последние состоялись в апреле текущего года). От Больших Банных ответвились Малые и вышли за пределы Москвы. Эти события стали неперменной и важной частью научной жизни, столь же российской, сколь и международной, так как спрос на знания участников этих чтений предъявляют гуманитарные институты по всему свету. При этом вряд ли много найдется вне России мест, где в такой концентрации собираются признанные эксперты по российской словесности и знатоки российской действительности. И уж точно, мало найдется таких мест и случаев в самой России. «Банные чтения» — это теперь, как говорится, бренд. Топонимия сохраняет архаические значения слов.

Имя Банного переулка отсылало к московской старине. Принятие этого имени в качестве названия ученых встреч состоялось тогда, когда в постсоветской жизни баня обрела, как и ряд других архаических институтов, более чем актуальное значение неформального, зачастую тайного собрания. Недавний российский опыт по этой части, разумеется, далеко не уникален, но это лишь увеличивает его значимость для приобщенных к нему. Демонстративная ритуальная смесь неформального и интимного с корпоративной изолированностью, известная связь с карнальным началом делали баню адекватным социальным местом для сообществ закрытого типа.

Взятая в невидимые кавычки семантика этого топоса оказалась адекватна и для сообщества, которое в данном случае — на XVII Банных чтениях — обратилось аккурат к этой теме. Антропология закрытого общества — это тема чтений и тема будущего так называемого спецномера журнала. Так, по замыслу организаторов, из НЛО, «закрытому обществу», уже взятому из онтологии в предмет антропологии, предстояло через систему стадий: доклад на чтениях — дискуссия — авторский текст — редакционная обработка — публикация в журнале — прочтение в обществе и т. д. — стать средством открытия общества.

Семнадцать докладов опирались на исследования институтов РАН, РГГУ, ГУ-ВШЭ, двенадцати университетов США, Великобритании, Германии, Швеции, Австралии, Израиля. Был также доклад от Левада-Центра. В фокусе были феномены закрытого общества в СССР — России. Для тринадцати из семнадцати докладчиков это был, можно сказать, отечественный опыт, отрефлектированный из исторического и часто географического удаления. Публика с пониманием реагировала на знакомое советское, на то, что в свое время было «просто жизнью» —

¹ Информацию о Чтениях см.: <http://www.nlobooks.ru/rus/spetsproekty/greaterbannereadingsofmagazineofufo/1283>.

карикатуры в «Крокодиле», эскапады Хрущева, порядки в буфетах ЦК КПСС. Теперь в этом открывались типологические черты «закрытого общества». Их типологическая природа прояснялась из докладов о реалиях, прежде неведомых или оценивавшихся в публике неверно.

Нашей публике свойствен патриотизм. Даже если речь идет о социальных недугах и дефектах, хочется думать, что у нас они были в наиболее тяжелых формах, потому и страдания наши были глубже, чем у прочих. В глупостях и нелепице, которые так изобильно порождает любое закрытое общество, также хочется держать первое место. Утешать может только следующее из материалов этих чтений заключение, что подобное стремление к первенству во всем или неважно в чем само по себе есть черта закрытых обществ. Это их форма соотношения себя с тем самым внешним миром, от которого они закрываются.

На чтениях была возможность сравнивать отечественный опыт с опытом других закрытых обществ. Можно заранее приготовить себя к тому, что нам, воспитанным на нашем прошлом, это все априори известно. Если нам будут рассказывать про диктатора и диктатуру, мы сразу все поймем и поймем лучше прочих. Но доклады о салазаровской Португалии и франкистской Испании застают так сориентированных слушателей врасплох. Это рассказы о том, как много имели сказать своим народам в пользу режима, который мы теперь зовем то авторитарным, то тоталитарным, правители, бывшие у власти дольше, чем Сталин, но пролившие крови несоизмеримо меньше, чем он.

Отстранение от диктатуры, противостояние ей в нашей истории и современности для многих у нас мотивируется прежде всего, а зачастую и исключительно тем, что такой режим — это репрессии, пытки и тюрьмы. Собственно, не будь этого, его остальные черты не столь уж нестерпимы, а кое в чем полезны и даже милы. Не это ли стояло за продолжавшимися несколько лет попытками сделать для России образцом так называемый «чилийский опыт»?

Прозвучавшие на Банных доклады о двух европейских диктатурах показывали, что только взгляд свободных людей способен различить, что «не так» в аргументах вождей, предлагавших своим народам разумно устроенное и по-своему уютное тоталитарное общество. О способности его обживать, находить себя в нем, так или иначе повествовали почти все доклады, посвященные отечественному опыту, а они составили половину повестки дня. В них

мы сегодняшние дивились нам вчерашним, пытались понять: как мы могли? Вернее, пытались вызвать в себе то понимание, тот строй чувств, который тогда давал возможность жить.

Полагая себя нынешних свободными людьми, мы не можем не исходить из того, что открытость, расставание с закрытым обществом, — это праздник души. Он, мы думаем, переходит в духовный подъем, за которым закономерно следует подъем, что очень приятно, экономический. Вот ценой военного поражения избавились от закрытого общества Германия и Япония. В награду каждой — экономическое чудо. На поражение мы нынешние, конечно, не согласны, но считаем себя приуроченными к свободе, а значит, и заслуживающими более удачного материального положения.

Однако два доклада об опыте Японии и японцев показывают, что, прежде чем посыплются блага и радости экономических чудес, традиционно-закрытое общество заплатит очень высокую цену за свое открытие. Много рассказали докладчики о муках японского послевоенного социума по поводу утраченного величия, о метаниях между комплексом выдуманной неполноценности и комплексом выдуманного превосходства относительно американского врага-друга. Практическая польза научных усилий, предпринимаемых организаторами и участниками Банных чтений, заключается, в частности, в том, что они показывают: то, чем болеет наше общественное мнение, обиженное на всех на свете, а более всего на США, это типичные болезни в соответствующих социальных обстоятельствах.

Организаторам чтений надо поставить далее в заслугу тот методологический принцип, который они положили в основу своей «антропологии закрытого общества». Принцип интересен для настоящих заметок, во-первых, тем, что выводит от проблематики антропологии закрытого общества к социологии такового. В исследованиях Левада-Центра, как известно читателям «Вестника», этой проблематике уделяется значительное внимание, и этой теме касался представленный от Центра доклад. Этот методологический прием, во-вторых, позволяет существенно расширить круг социальных ситуаций, квалифицируемых как «закрытые». Подход в свое время был намечен И. Гофманом, предложившим рассматривать «институты тотальности», отыскать которые можно было в самых разных обществах. Но восторжествовала в политической социологии (не говоря о публицистике) более простая манера делать по умол-

чанию единицей рассмотрения «общество», а на самом деле — государственное образование и его население, и далее считать его тоталитарным или нет в зависимости от характера политического режима. У такого подхода есть серьезные причины существовать — институты тотального свойства в силу своей природы стремятся захватить все и перерождают всю социальную ткань, занимая весь объем национального государства (и далее стремясь за его пределы). Опыт XX в. слишком много сделал для того, чтобы именно имперские либо национально-государственные формы и размерности таких феноменов, как тоталитаризм и закрытость, казались единственными, основными или наиболее опасными. Было осознано, что закрытость — это угроза обществу. Много было понято на уровне антропологии, социологии личности. Что несет закрытость общества человеку, индивиду, этот век показал сполна.

Опыт XXI столетия при всей своей краткости заставляет, как видно по результатам Чте-

ний, требовать от социологов новой зоркости, чтобы искать проявления тотальности, закрытости и им подобных социальных состояний на двух других уровнях. Один — уровень, на который выводят процессы глобализации. Из размышления над материалами Чтений ясно, что «закрытость» может парадоксальным образом выходить в открытые пространства наднациональных, международных масштабов. Динамика фундаментализма, на наших глазах рвущегося на уровень глобального процесса, это показывает со всей очевидностью. Другая действительность, где могут консервироваться, а то и развиваться новые феномены закрытости, находится на субсоциетальном уровне отдельных институтов, влагающихся в общества самых разных типов. Здесь надо научиться их видеть и изучать. XVII Банные чтения убеждают в острой необходимости такого анализа, а многими своими докладами — и в его высокой продуктивности.

АВТОРЫ НОМЕРА

БЕРЕЛОВИЧ Алексис (независимый исследователь, Рим)

ВАНЦЕВ Юрий Витальевич (средняя общеобразовательная школа «Творчество», Самара)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

ЗОРКАЯ Наталия Андреевна (Аналитический центр Юрия Левады)

КОЛОСОВ Владимир Александрович (Институт географии РАН)

ЛЕВИНСОН Алексей Георгиевич (Аналитический центр Юрия Левады)

НИКОЛЮК Сергей Александрович (политолог, Минск)

ПРАВДИНА Мария Александровна (ГУ-ВШЭ, Москва)

ТОАЛ Джерард (Политехнический институт и университет штата Вирджиния, США)